

В.М. Телякова

*Новосибирский государственный университет
Кузбасская государственная педагогическая академия*

**Мультипликативные и дистрибутивные значения
и средства их выражения в шорском языке
(в сопоставлении с русским)**

Аннотация: В статье впервые подробно описывается функционирование в шорском языке аффикса **-кыла- / -гыла- / -киле- / -гиле-**, который является основным средством выражения мультипликативных и дистрибутивных значений количественной аспектуальности. Вопреки мнению, сложившемуся среди исследователей шорского языка, данный аффикс маркирует не мультипликативы, указывающие на то, что они состоят из отдельных квантов, а присоединяется к семельфактивам для обозначения единого мультипликативного акта. Дистрибутивные значения выражаются данным аффиксом в самом общем виде, субъектные, объектные или диверсативные оттенки не выделяются, квазидистрибутивные значения не передаются. Дополнительным средством выражения количественной аспектуальности являются лексические модификаторы.

This article deals with the functioning of the affix *-kila-/-gila/-kile-/-gile-* in the Shor language. It is the main means to express multiplicative and distributive manner of verbal action. Though some researchers believe, that multiplicative verbs take this affix to denote separate quanta, we argue, that semelfactives take this affix to represent the complex multiplicative action. Distributive meaning is expressed in general. The additional means of the expression of multiplicative and distributive meanings are the adverbial modifiers.

Ключевые слова: количественная аспектуальность, глагольная / неглагольная аспектуальность, мультипликатив, объектный и субъектный дистрибутив, диверсатив, квазидистрибутив, шорский язык.

Quantitative manner of verbal action, non-verbal means of manner of verbal action, multiplicative, objective and subjective distributive, diversitive, quasi distributive, Shor language.

УДК: 81' 367 = 512.

Контактная информация: Новокузнецк, пр. Пионерский, 13, КузГПА, кафедра общего и русского языкознания. E-mail: Telyakova-vm@mail.ru.

Количественный аспект («глагольная множественность») всегда был предметом пристального внимания ученых [Бондарко, Буланин, 1967, с. 21, 25; Бондарко, 1971, с. 24–31; Авилова, 1976, с. 287–316; Насилов, 1985, с. 64–70; Типология итеративных конструкций, 1989; Шенцова, 1997, с. 43–45; Болсуновская, Кузнецова, 1999, с. 157–177; Мельчук, 1998, с. 84–126; Храковский, 1998, с. 485–490; Плунгян, 2000, с. 294–296]. Его значения характеризуют ситуацию с точки зрения ее повторяемости [Плунгян, 2000, с. 295], поэтому внутри этой зоны выделяются такие семантические противопоставления, как итератив, мультипликатив и разного рода дистрибутивы [Там же].

Основным способом выражения мультипликативных и дистрибутивных значений в шорском языке являются особые формы глаголов, принимающие аффикс *-қыла- / -гыла- / -киле- / -гиле-*¹, например: *сарна-* ‘петь’ → *сарнагыла-* ‘петь несколько раз’. Н.П. Дыренкова называла их «учащательными или многократными» глаголами [Дыренкова, 1941, с. 147]. По мнению Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой, аффикс *-қыла- / -гыла- / -киле- / -гиле-* вторичного образования: «Многократный аффикс *-ка* здесь соединен с многократным аффиксом *-ла*» [Серебренников, Гаджиева, 1979, с. 241].

В научной и учебной литературе об аффиксе *-қыла- / -гыла-* (с фонетическими вариантами по языкам) говорится мало, упоминается лишь то, что он указывает либо на «множительный вид / многократный вид» [Грамматика алтайского языка, 1869 (2005), с. 52; Баскаков, 1985, с. 38]; либо «на многократность действия или на действие, совершаемое многими субъектами» [Грамматика хакасского языка, 1975, с. 186]; либо на собирательную множественность [Серебренников, Гаджиева, 1979, с. 240]; либо на «процессуальную интенсивность» [Щербак, 1981, с. 133]. Отмечается, что в шорском языке показатель *-қыла- / -гыла- / -киле- / -гиле-* передает «общее значение множественности» [Дыренкова, 1941, с. 147; Шенцова, 1997, с. 44], либо «видовое значение многократности, повторности действия» [Чиспияков, 1992, с. 238]. Однако информация о том, к каким семантическим типам глагольных основ он прибавляется для выражения значения множественности, отсутствует.

Цель данной статьи – описать функционирование и значения этого аффикса в шорском языке.

Способы выражения мультипликативных значений

Мультипликативное значение, или мультипликатив, подразумевает «единый множественный акт, состоящий из отдельных повторяющихся мгновенных квантов (ср. ситуации типа *кашлять, мигать, стучать*)» [Плунгян, 2000, с. 295]. Глаголы, которые выражают мультипликативное значение, традиционно называются многоактными, многофазисными, итеративными [Храковский, 1998, с. 487]. Вслед за В.С. Храковским мы будем называть их мультипликативными, или просто мультипликативами [Там же]. Единичный квант мультипликативной ситуации выражается семельфактивным глаголом, или семельфактивом (ср. *кашлянуть, мигнуть, стукнуть*) [Храковский, 1998, с. 488; Плунгян, 2000, с. 295].

Русский язык обладает развитым глагольным словообразованием, и, хотя в нем нет единого аффикса, выражающего многократность, зато есть особый класс глаголов несовершенного вида с семантикой многократного способа действия [Бондарко, Буланин, 1967, с. 21, 24] с суффиксом *-а-*: *капать*; либо с суффиксом *-ыва- / -ива-*: *говаривать*; либо с приставкой *-вз-* (*вс-*) и суффиксом *-ыва- / -ива-*: *вскрикивать*. В морфологическую структуру этих глаголов, кроме *-а-*, могут входить суффиксы (финалы основ) *-е-*, *-о-*: *скрипеть, колоть* [Храковский, 1998, с. 487]. Встречаются глаголы, не обладающие какими-то морфемными признака-

¹ Этот аффикс имеет множество фонетических вариантов. Во-первых, в диалектах и просторечии встречается произношение *-кула- / -гула- / -күле- / -гүле-*: *узугула-* ‘спать многократно, спать многим’; *түшкүле-* ‘высыпаться, падать многократно’. Во-вторых, гласный первого слога является сверхкратким, поэтому он часто не произносится, что отражается в орфографии: *ёскле-* ‘расти, вырастать’, *нангла-* ‘возвращаться многократно’ и т. п. [Дыренкова, 1941, с. 148]. Кроме того, существуют варианты в обозначении на письме первого согласного. После выхода учебного пособия Э.Ф. Чиспиякова «Графика и орфография шорского языка» [1992], первый согласный аффикса перед гласным переднего ряда принято обозначать знаками *қ* после глухих согласных и *з* после сонорных и гласных звуков. В источниках, написанных до 1992 г., эти знаки, естественно, не употребляются.

ми, а примыкающие к данному способу действия лишь по своему лексическому значению: *рубить*, *трясти* и т. д. Русские семельфактивы маркируются суффиксом *-ну-*: *капнуть*, *крикнуть*, *кашлянуть*; однократное значение образует приставка *с-*, присоединяясь к неопределённым глагольным основам: *состричь*, *словчить*, *схлопотать* и т. п.

В отличие от русского, шорский язык не имеет такой богатой системы глагольных аффиксов, указывающих на мультипликативность и одноактность: на современном этапе аффикс *-қыла-* / *-гыла-* (с фонетическими вариантами) единственный, который оформляет многократные глаголы в шорском языке. Но даже он применяется крайне редко [Шенцова, 1997, с. 44]. Б.А. Серебренников справедливо отмечал, что «можно прочесть не одну сотню страниц текста», но этого суффикса не обнаружить, и, наоборот, «можно найти много случаев, когда глагол фактически выражает многократное действие, но указанные суффиксы отсутствуют» [Там же]. Покажем это на примере из нашей выборки: (*Частума қаптыр партырым.*) *Пурнунаң шурлапча, тушкупчам, чедирчам* (Г.Г. Тептегешев) '(На сморк подхватил.) Из носа капает, чихаю, кашляю'.

Выяснить, почему так редко употребляется этот аффикс, – одна из задач данной статьи. Исследование показало, что, вопреки тому впечатлению, которое можно вынести из примеров, приведенных в шорских грамматиках¹, данный аффикс употребляется не для того, чтобы маркировать мультипликативное действие, указывая на то, что оно состоит из отдельных повторяющихся мгновенных квантов, а, наоборот, он показывает, что отдельные семельфактивы объединяются в единый мультипликативный акт. Употребление этого аффикса свидетельствует, что повторяющиеся кванты множественного акта, соединяясь в едином процессе, производятся, не сливаясь, последовательно, в несколько приемов. Другими словами, действия, выраженные мультипликативами *кашлять*, *стучать*, *мигать* и др., осознаются шорцами как целостные, нечленимые процессы. Если же надо показать, что микродействия, произведенные отдельно друг от друга, образуют мультипликативную серию, то употребляется форма глагола с аффиксом *-қыла-* / *-гыла-* / *-киле-* / *-гиле-*. Принимая этот формант, глаголы передают в нерасчлененном виде сразу два видовых значения: суммарное, обозначающее «сумму конкретных фактов» в их целостности [Бондарко, 1971, с. 24], и ограниченно-кратное, обозначающее «ограниченный ряд повторений нейтрального, «неквалифицированного» действия, не характеризующегося ни целостностью, ни какими-либо иными положительными признаками» [Бондарко, 1971, с. 31]. Таким образом, основы глаголов с аффиксом *-қыла-* / *-гыла-* индифферентны к выражению совершенного и несовершенного вида.

Так, например, глагол *көр-* означает действие 'смотреть, видеть, глядеть' как единый акт, не делимый далее на более мелкие действия, поэтому можно сказать, что глагол *көр-* выражает микродействие². Чтобы передать значение 'осматривать', состоящее из серии действий, названных глаголом 'смотреть', *көр-* принимает аффикс *-гиле-*: *көргиле-*.

Глагол *как-* можно рассматривать как семельфактив, выражающий единственный квант действия 'ударить, стукнуть' [Словарь алтайского и аладагского наречий, 2005, с. 121]. Образованный от него глагол *какла-* 'стучать, стучаться, постукивать' [Курпешко-Таннагашева, Апонькин, 1993, с. 21] является мультипликати-

¹ Так, у Н.П. Дыренковой приведены примеры, из которых можно заключить, что мультипликативы образуются от мультипликативов: *кескиле-* 'резать, многократно порезывать' от *кес-* 'резать'; *аткыла-* 'стрелять многократно, постреливать' от *ат-* 'стрелять'; *ойнагыла-* 'играть многократно, поигрывать, играть многим' от *ойна-* 'играть' и т. д. [Дыренкова, 1941, с. 147]. Те же самые примеры встречаются и у Э.Ф. Чиспиякова [1992, с. 238].

² О понятии «микродействие» см. в [Типология итеративных конструкций, 1989, с. 25; Болсуновская, Кузнецова, 1999, с. 160].

вом. На множественность действий указывает также и конечное *-ла-*, которое, как считают Б.А. Серебренников и Н.З. Гаджиева, является реликтовым аффиксом, сохраняющим «древнее многократное значение» [Серебренников, Гаджиева, 1979, с. 241].

В шорской сказке «Аңчы Абышка» ‘Охотник Абышка’ медвежонок просит своих приемных родителей не просто постучать по крышке волшебного туюска, а ударить три раза. Для этого используется глагол *как-* ‘ударять, стукнуть’ с аффиксом *-қыла-*, указывающим на многократное повторение единичного кванта: *Апшак палазы – амды, аба, по тўўзекти ўш катнап ка(к)кылабыза перип, калпагажын аш юр, тедир* (Шор ныбактары, 1940, с. 7) ‘Медвежонок – теперь, отец, по этому туюску три раза стукни, крышечку открыть попробуй, говорит’.

Далее старик осуществляет требуемое действие, а в тексте употребляется глагол *какла-* ‘стучать’, естественно, без учащательного аффикса, так как этот глагол сам по себе несет сему многократного повторения отдельных квантов. Повидимому, сказитель хочет обратить внимание слушателей (читателей) на то, что старик стучал быстро, нетерпеливо, и поэтому данное действие было произведено как единый мультипликативный акт: *Апшый по айтканма, тўўзекти ўш катнап каклап кел, калпагын ажып...* (Там же) ‘Старик, как было сказано, по туюску три раза постучал, крышечку открыл...’.

В шорском языке глаголы редко делятся на мультипликативы и семельфактивы. Чаще всего в семантическую структуру одного глагола входят и те, и другие значения, поэтому создается впечатление, что одни мультипликативы образуются от других мультипликативов. На самом деле аффикс *-қыла-* (с фонетическими вариантами), присоединяясь к основе глагола, актуализирует в нем только сему семельфактива, и поэтому перевод должен звучать соответственно, даже если нет лексических показателей. Рассмотрим предложение: *Эледе одурганда, соньнда Миша-ачам меени шашкылабысты* (Ўлгер, 1995, с. 39) ‘Когда так посидели, потом Миша, брат, меня несколько раз ткнул’.

В переводе намеренно употребляется сочетание *несколько раз*, отсутствующее в шорском тексте: носитель языка понимает, что здесь нельзя представить ситуацию с помощью мультипликатива: *«потом Миша, брат, меня тыкал», так как учащательный аффикс однозначно указывает, что каждый единичный акт этого процесса был произведен отдельно и должен быть переведен семельфактивом ‘ткнуть’.

При переводе повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» И.Я. Арбачаков передает смысл предложения *Я постучался*, используя глагол *қақ-* ‘ударить, стукнуть’ с аффиксом *-қыла-*: *Мен эжикти каккыладым* (Пушкин. Капитанның қызы; пер. Арбачакова, 1941, с. 135). Буквально шорское предложение надо было бы перевести как ‘Я в дверь несколько раз стукнул.’ Однако в оригинальном тексте нет указания на то, что каждый стук был произведен отдельно. Это можно объяснить либо непониманием переводимого текста, либо тем, что переводчик хотел привлечь внимание к тому факту, что между стуками были паузы, хотя об этом у А.С. Пушкина ничего не сказано.

Помимо грамматических (морфологических) средств выражения мультипликативного значения, Д.М. Насилов выделял также и лексические средства: «В рамках функционально-семантического поля аспектуальности существуют различные средства ее выражения: либо через глагол (глагольная аспектуальность, по Ю.С. Маслову), либо помимо глагола (неглагольная аспектуальность)» [Насилов 1985, с. 64]. К лексической неглагольной количественной аспектуальности он относил количественные числительные и счетные слова типа *раз*, «указывающие точную или неточную (неопределенную) величину повторений (осуществлений) действия» [Насилов, 1985, с. 66]. В шорском языке таким счетным име-

нем является слово *қатнап / катнап*¹ ‘раз’. Оно указывает на раздельность единичных квантов: *Мен үш қатнап каккыладым* [Дыренкова, 1941, с. 192] ‘Я три раза (трижды) постучал’.

Д.М. Насилов подчеркивал важность таких слов для выражения количественной аспектуальности: «С помощью лексических средств действия, выраженные глаголом, получают дополнительную количественную характеристику и тем самым более четкую и развернутую аспектуальную спецификацию» [Насилов, 1985, с. 67]. Из этого следует, что слова типа *үш қатнап* ‘три раза’, способствующие пониманию описываемого действия, необходимы для семантической и формальной структуры предложения. Возможно, они и не являются настоящими актантами, но вряд ли их можно назвать обычными сирконстантами. Это подтверждает и употребление в предложении выражения *пир қатнап / қатнап* ‘один раз’, которое представляет собой фактически единственное средство обозначения семельфактивов в шорском языке: (а) *Пир қадақарындажым мага чойлады* (Г.Г. Тептегешев) ‘Один раз мой брат мне солгал’; (б) *Алып пир-ле қатнап кыйгырды* ‘Богатырь один только раз крикнул’. Наличие в предложении сочетания *пир қатнап* ‘один раз’ сигнализирует о том, что семельфактивный глагол выступает в форме совершенного вида.

Таким образом, основным способом выражения мультипликативных значений в шорском языке является грамматический – с помощью специального аффикса. К дополнительным средствам относятся средства лексической неглагольной аспектуальности: числительное + слово *қатнап / қатнап* ‘раз’: *пир қатнап, үш қатнап*. В шорском языке нет грамматически производного семельфактива, но однократное значение может выражаться с помощью сочетания *пир қатнап* ‘один раз’, которое вследствие этого приобретает значение конструктивного элемента структурно-семантической модели простого предложения.

Способы выражения дистрибутивных значений

Разного рода дистрибутивы обозначают «такой тип (неполного) повторения ситуации, при котором происходит последовательный “перебор” единичных представителей определенного актанта: ср. контексты типа *Все поразъехались кто куда; Листья пооборвало ветром; Он перепробовал все кушанья* и т. п.» [Плунгян, 2000, с. 295]. Глаголы, которые передают ситуации дистрибутивного действия, называются дистрибутивными, или дистрибутивами [Типология итеративных конструкций, 1989, с. 34; Болсуновская, Кузнецова, 1999, с. 163].

В русском языке дистрибутивным значением обладает специальный класс переходных и непереходных глаголов совершенного вида с приставками *пере-* (*переломать, перевешать, перекусать; переболеть, перебивать, перебраниться, переругаться*) и *по-* (*побросать, повыгонять; померзнуть, повскакать, повянуть, полопаться, попрягаться*), которые обозначают «действие, представленное как совокупность ряда актов, распространяющихся на ряд объектов или исходящих от ряда субъектов» [Бондарко, Буланин, 1967, с. 20]. Кроме них, в русском языке дистрибутивное значение могут передавать также некоторые дериваты от переходных глаголов с приставками *на-* (*накрахмалить, налепить, накупить*) и *раз-/рас-* с общим значением ‘взять’, ‘дать’ (*разворовать, разграбить, раскрасть, расхватать; раздарить, раздать, распродать*), а также непереходные глаголы движения с приставкой *раз-/рас-* и постфиксом *-ся / -сь* (*разбежаться, разойтись, расходиться, располтись, разъехаться*) и с приставкой *о- / об-* (*объездить, объехать, облетать, обходить*).

¹ В говорах шорцев верховья реки Мрассу могут встречаться такие фонетические варианты этого слова, как *кадап, када*.

В шорском языке дистрибутивные значения передает аффикс *-қыла- / -ғыла- / -киле- / -гиле-* (с фонетическими вариантами по диалектам): *Қуштар келгилепчалар* 'Птицы прилетают (одна за другой)'

Как показал наш материал, в шорском языке различаются два типа дистрибутивных значений. Во-первых, когда происходит «перебор» единичных представителей, выраженных подлежащим. В этом случае глаголы с аффиксом *-қыла- / -ғыла- / -киле- / -гиле-* показывают, что несколько лиц производят одно и то же действие, но отдельно друг от друга. Такие дистрибутивы называются субъектными [Болсуновская, Кузнецова, 1999, с. 164]. При этом субъекты могут производить действия одновременно или друг за другом, т. е. в разное время. В шорском языке эти ситуации не различаются: воспринимающему речь приходится догадываться об этом самостоятельно. Например, Н.П. Дыренкова добавляет в русский перевод слова *один за другим, друг за другом*, чтобы уточнить описываемую ситуацию: *Паллар школдаң шыккылапчалар* [Дыренкова, 1941, с. 192] 'Ребята выходят из школы'; *Он алты союзный советский республикаларда элиге чагын папка-папка соок калык чаткылапча* [Дыренкова, 1941, с. 123] 'В шестнадцати союзных советских республиках пятьдесят примерно разных народов живет'; *СССР ишинде наа туралар: Сталинск, Магнитогорск, Комсомольск теп, анардаң-да ёске туралар ёскўлеп келдилер* [Дыренкова, 1941, с. 123] 'В СССР новые города: Сталинск, Магнитогорск, Комсомольск (и) другие (выросшие) города выросли'; *«Меең төстерим мени азырлар, слер аңнағылалар!» аңчыларга айтқан* [Дыренкова, 1940, с. 292] '«Мои духи меня прокормят, вы промышленяйте!» – охотникам говорил (шаман)'; *Анда турчатсаң, ол эжик-че албыгалар шыкла (шыккыла) чадарлар* [Дыренкова, 1940, с. 264] 'Если там будешь стоять, (через) ту дверь соболя непрерывно выходить будут'; *Таң эжигенең алынга турчытканы – албагылар шыкла чатканнар* [Там же] 'Стал перед дверью в горе – соболя непрерывно один за другим выходили'; *Тегелек карлар тўшкўледі* [Дыренкова, 1941, с. 192] 'Круглые снежинки падали (одна за другой)'; *Камныктар тўшкўлеп калды* [Там же, с. 148] 'Ельцы сыпались (один за другим)'

Во-вторых, действие может производиться одним и тем же лицом над разными предметами в несколько разных приемов. Дистрибутивы, выражающие эти ситуации, называются объектными [Болсуновская, Кузнецова, 1999, с. 164]: *Сўгеннерин кўрерге энгени, сўгеннерин ээдок угжап, кедере шедгилебистир* [Шор Ныбактары, Аньчы Абышка, 1940, с. 4] '(Аньчы Абышка) Морды посмотреть спустился (и увидел, что кто-то) морды тоже переломал, в разные стороны разбросал'¹; *(Аньчы Абышка) Сўгеннерин чўрип, чазап сукк ылабок салды...* [Шор Ныбактары, Аньчы Абышка, 1940, с. 4] '(Аньчы Абышка) морды обошел, подправив, спрятал...'

Иногда предложение описывает такую ситуацию, в которой представлены и совокупный актант-субъект, и совокупный актант-объект: *Ол аралдагы талларды козаннар кебиргилеп салтырлар* [Дыренкова, 1941, с. 202] 'Те заросли ив зайцы обгрызли, оказывается'

Дистрибутивный глагол с аффиксом *-қыла- / -ғыла- / -киле- / -гиле-*, определяя подлежащее, состоящее из нескольких субъектов, может стоять в форме либо множественного, либо единственного числа. Это зависит от типа речи (письменная или устная), от ритма фольклорного произведения (усечение аффикса множественного числа ради рифмы), а также от способности аффикса *-қыла- / -ғыла-* (и его фонетических вариантов) передавать значение множественности: *Кўрчыткан кижилер тескилебистилер* [Дыренкова, 1941, с. 137] 'Зрители разбе-

¹ Слово сочетание *кедере шедгилебистир* в переводе Л.Н. Арбачаковой звучит как 'в сторону отбросил' [Фольклор шорцев, 2010, с. 183]. Думается, это не совсем верно, лучше было бы перевести как 'в разные стороны разбросал'.

жались'; *Чылтыстар үшкүлөпчә* 'Звезды гасли (одна за другой)'; *Грядкача чөрбахыла* [Т.А. Арбачакова] 'По грядкам не ходите'.

В семантическую зону частных дистрибутивных значений включается также диверсативное и квазидистрибутивное [Типология итеративных конструкций, 1989, с. 40; Болсуновская, Кузнецова, 1999, с. 168]. Диверсативы передают значение разъединения, раздвоения [Там же] и в шорском языке выражаются дистрибутивами с тем же аффиксом *-қыла-* / *-гыла-* (с фонетическими вариантами), однако чаще используются немаркированные глаголы с соответствующей семантикой: *Оганар тескилебискеннер* [Дыренкова, 1941, с. 192] 'Ребята разбежались'; (*Анаң ойрот қанны өд үр сағаннар.*) *Аның ғанни шачыл-калған – кызыл гайа п үдүлгалған* [Дыренкова, 1940, с. 306] '(Потом ойротского хана убили.) Его кровь разбрызгалась – красная гора создалась'; *Куштар пашка-пашка черге учугубустулар* [Там же, с. 284] 'Птицы в разные земли полетели'; *Анаң өске четти оглун, чети келинин, пашок четти черлерге чара ызыбысты* [Там же, с. 320] 'Потом (Шулбай) остальных семь сыновей, семь невесток в семь земель, разделив, отправил'.

О квазидистрибутивном значении говорится в том случае, «если налицо целостный актант, субъект или объект, состоящий из квазиотдельных частей, и каждое из повторяющихся действий затрагивает какую-либо одну часть актанта, а все множество повторяющихся действий – все части актанта в целом» [Болсуновская, Кузнецова, 1999, с. 168]. В шорском языке такие действия передаются глаголами без рассматриваемого аффикса. Части целостного актанта выражаются существительными в исходном падеже (аффикс *-наң/-нең-*): *Эбире таварлар үп сала-берип, суң ээзи айтқан <...>* [Дыренкова, 1940, с. 238] 'Вокруг товар разложив, хозяин воды сказал <...>'; *По кара таиты үш чердең чара шабызарым* [Дыренкова, 1941, с. 62] 'Этот черный камень в трех местах разобью=я'; *Кара талайы камортадаң үзүле перди* [Дыренкова, 1941, с. 63] 'Черное море надвое разделилось'; *Аткан окпа каморта пелдең үзе адыбысты* [Дыренкова, 1941, с. 63] 'Выстреленной стрелой (его) пополам (по) пояснице рассекши, выстрелил'.

Таким образом, субъектные и объектные дистрибутивы обозначаются в шорском языке грамматически, с помощью аффикса *-қыла-* / *-гыла-* (с фонетическими вариантами). Однако между собою их можно различить только в контексте, т. е. синтаксически: субъектный дистрибутив требует, чтобы подлежащее было выражено существительным во мн. числе, а объектный дистрибутив управляет существительным-подлежащим в ед. числе, но зато требует, чтобы дополнение стояло в форме мн. числа. Если же и подлежащее, и дополнение стоят во мн. числе, то это смешанный, субъектно-объектный дистрибутив. Диверсативные значения выражаются как грамматически, т. е. дистрибутивными глаголами, так и лексически – немаркированными глагольными лексемами с соответствующей семантикой. Квазидистрибутивные значения выражаются только лексическими способами.

Литература

Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова / Отв. ред. С.Г. Бархударов. М., 1976.

Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы, словарь. М., 1985.

Болсуновская Л.М., Кузнецова Н.Г. Способы глагольного действия и множественность ситуаций в диалектах селькупского языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1999. Вып. 5 / Под ред. Н.Н. Широковой. С. 157–177.

Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.

- Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Пособие для студентов и учителей / Под ред. проф. Ю.С. Маслова. Л., 1967.
- Грамматика алтайского языка / Составлена членами алтайской миссии. Казань: В университетской типографии, 1869 (Репринтное воспроизведение издания: Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. 640 с.).
- Дыренкова Н.П. Шорский фольклор / Отв. ред. И.И. Мещанинов. М., Л., 1940.
- Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941.
- Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шор-казак пазок казак-шор үргедиг сөстүк: Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993.
- Мельчук И.А. Курс общей морфологии / Общ. редакция Н.В. Перцова и Е.Н. Савиной. М.; Вена, 1998. Т. II.
- Насилов Д.М. К характеристике количественной аспектуальности в узбекском языке // Советская тюркология, 1985. № 1. С. 64–70.
- Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Пушкин А.С. Капитанның кызы / Пер. И.Я. Арбачакова. Новосибирск, 1941.
- Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
- Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Горно-Алтайск, 2005.
- Типология итеративных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. Л., 1989.
- Храковский В.С. Типология семельфактива // Типология вида: проблемы, поиски, решения: (Материалы Международной научной конференции, 16–19 сентября 1997 г., МГУ им. М.В. Ломоносова) / Отв. ред. М.Ю. Черткова. М., 1998. С. 485–490.
- Чиспияков Э.Ф. Учебник шорского языка: Пособие для преподавателей и студентов. Кемерово, 1992.
- Шенцова И.В. Акциональные формы глагола в шорском языке. Кемерово, 1997.
- Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981.

Текстовые источники

- А.С. Пушкин. Капитанның кызы (пер. И.Я. Арбачакова). Новосибирск, 1941.
- Г.Ф. Бабушкин. Шор ныбактары. Новосибирск, 1940.